

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-41-58

УДК 32.019.51+94

ТЕРМИН И ПОНЯТИЕ «ДЕМОКРАТИЯ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КИТАЯ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Олейников Игорь Валерьевич,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и регионоведения
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, проспект Маркса, 20;
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Новосибирского государственного педагогического университета,
Россия, 630126, г. Новосибирск, улица Виллюйская, 28
ORCID: 0000-0002-5920-1371
oleynikov_i@mail.ru*

Кормич Павел Сергеевич,

*старший преподаватель
кафедры международных отношений и регионоведения
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, проспект Маркса, 20
ORCID: 0000-0002-1796-3108
laofojiaotu@mail.ru*

Аннотация

В данной работе рассматриваются проблемы восприятия и обозначения политических терминов в Китае первой трети XX века. Основное внимание уделено трактовке терминов «демократия» («народовластие»), «свобода», «народ» в понимании Великого китайского революционера Сунь Ятсена.

Практически во всех языках термин «народ» обозначает некое (иногда конкретное, как в случае с демосом, иногда абстрактное, как в русском языке) объединение людей. Но при этом этимологически он не связан со словом с семантикой «человек». Народ – это некая скорее множественная абстракция, не связанная с конкретной единицей в лице человека, хотя формально подразумевает человека во множественном числе. В китайском языке это выглядит иначе. Поэтому этимологический контекст политической терминологии в китайской действительности очень важен.

Термин «демократия» (народовластие) в китайском языке имеет неоднозначную историю возникновения, несколько обозначений и вариантов написания, которые обладают рядом отличительных особенностей и актив-

но использовались, а иногда и противостояли друг другу уже с середины XIX века.

В итоге мы получаем, что народовластие у Сунь Ятсена – это возможность управления делами всякой объединенной или организованной группой людей, основанная на силе, могуществе для достижения свободы государства, при обязательном принесении в жертву свободы индивидуума, но и на равенстве народа в политическом отношении.

Мао Цзэдун выдвинул теорию «новой демократии», которая выступала в качестве нового этапа развития марксизма и содержала важнейшие положения марксистской теории. Выдвижение теории «новой демократии» как нового этапа развития марксизма обосновывалось необходимостью его «китаизации». Но по существу речь шла не о «китаизации» марксизма в значении адаптации общей теории Маркса к конкретным условиям Китая, а о создании «китаизированного марксизма», разработанного в качестве теоретического руководства антимпериалистической, антифеодальной революцией в колониальных и зависимых странах.

Чан Кайши, не без основания считавший себя продолжателем дела Сунь Ятсена, отчасти противопоставил свое идеологическое кредо демократизму (народовластию) основателя Гоминьдана, так как отрицал возможность осуществления демократических принципов в Китае практически до 50-х годов XX в. При этом вслед за Сунь Ятсеном он обращал особое внимание на роль государства, противопоставляя интересы личности и государства.

Таким образом, идеи, заложенные Сунь Ятсеном, продолжают оказывать значительное влияние на развитие политической теории и практики Китая и в последующее время. Конечно, не всегда они воспринимаются одобрительно, но даже при отторжении или критике идей великого китайского революционера его идеологическая концепция являлась основой, от которой отталкивались последующие революционеры Китая.

Ключевые слова: демократия, народ, человек, свобода, политика, термин, понятие, Китай, республика.

Библиографическое описание для цитирования:

Олейников И.В., Кормич П.С. Термин и понятие «демократия» в политической жизни Китая первой трети XX века // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 2. – С. 41–58. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-41-58.

Термин и понятие «демократия» в наше время являются тотальными и используются по любому поводу. Как и целый ряд других политических явлений, они обладают мощной эмоциональной окраской. Всё, что связано с демократией, во всех сферах общественной жизни рассматривается как позитивный элемент. При этом понимание данного явления весьма серьезно отличается в различных политических средах и культурах. Формирования универсального понятия «демократия» не произошло (зато создается универсальный термин), тем более что и в европейской политической системе понятие «демократия» весьма серьезно эволюционировало во времени.

Если брать древнегреческие корни термина, то традиционный перевод связан с восприятием демократии как власти народа. Существует огромный пласт научной литературы по данному поводу, где показывается, что «демос» – это не совсем тот народ, который существует в нашем обыденном восприятии. Изначально это только мужчины (неслучайно это слово мужского рода), а дальше смысловое значение демонстрирует, что это свободные люди, иногда имеющие рабов, противопоставленные аристократии представители демов – специальных административных единиц, созданных для управления населением и взимания налогов. Таким образом, демос – это далеко не весь народ, а определенная часть населения государства, выделяемая с помощью половозрастных, имущественных, статусных ограничений.

Со временем система ограничений начинает меняться, и сейчас мы видим несколько иной вариант восприятия «демоса» как народа вообще. «Демократия – это форма государственно-политического устройства общества, при которой народ является источником власти. Признается право народа участвовать в решении государственных дел в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод» [12].

В западной литературе данное понятие рассматривается с нескольких позиций. Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что сторонники позиции, восходящей к идеям Томаса Джефферсона, заявляют, что человеческий разум приведет к избранию достойной власти; главное, чтобы была предоставлена реальная возможность выбора, которая является неотъемлемым правом человека. Другая позиция, восходящая к идеям группы под псевдонимом «Публий», не отрицая предшествующий тезис, дополняет его необходимостью разделения власти на три независимые ветви, обязательными конституционными гарантиями политических прав и свобод и т. д.

Таким образом, совершенно очевидно, что во времени, а тем более в пространстве восприятие политических терминов весьма серьезно может различаться. Тем не менее представители самопровозглашенного форпоста демократии превозносят свой взгляд на исследуемую проблему и критикуют любое расхождение в восприятии данного неоднозначного явления. Как результат, под удар попадают все инакомыслящие, что, конечно, противоречит самому принципу демократии, но соответствует политической конъюнктуре современности.

В случае с Китаем восприятие европейских (как и любых внешних) терминов «отягощено» спецификой китайского языка и культуры. Здесь необходимо иметь в виду, что заимствований терминов в китайском языке практически нет, а восприятие элементов внешней культуры (политической в частности) происходит только через призму осмысления того или

иною понятия. Как результат, в Китае не заимствуют термины, а переводят понятия. Причем переводят так, как могут или хотят понять на данном историческом этапе развития. Также необходимо отметить, что в XIX в., когда в Китай приходит множество терминов из европейской политической культуры, процесс такой модернизации связан с вынужденным восприятием новой политической и военно-политической реальности.

Цинская империя, переживая серьезные кризисные явления во внутри-политической жизни, с блеском проигрывает все войны. Возникает идейный кризис, попытки выхода из которого связаны с необходимостью привлечения европейского опыта. К тому же обновление понятийно-терминологического аппарата происходит не напрямую из европейской культуры, но через Японию. Китай получает ряд терминов на китайском языке, но с обновляемым содержанием. Можно сказать, что в период «Мэйдзи исин» Япония выступает для Китая в роли своеобразного дальневосточного желудка, который переваривает грубую европейскую политическую пищу и приспособливает ее для усвоения тонкой конфуцианско-даосской культурой. При этом легитимизация терминологического аппарата происходит традиционным способом (а иначе и быть не могло в традиционном государстве), через поиск содержания новых терминов в богатейшей исторической традиции. «В тот же период в китайском языке и в китайской мысли появился целый комплекс новых слов и концепций: “выборы”, “парламент”, “конституция”, “разделение властей”, “свобода”, “партия”, “национализм”, “социализм”, “капитализм”, “президент” и т. д. Многие из них приходили в Китай через Японию, где их впервые записали китайскими иероглифами. Китайские мыслители и политики воспринимали эти концепции не с чистого листа, а на фоне хорошо им знакомых теорий и понятий традиционной китайской мысли» [8].

Здесь уместно остановиться еще на одном небезынтересном моменте. Практически во всех языках термин «народ» обозначает некое (иногда конкретное, как в случае с демосом, иногда абстрактное, как в русском языке) объединение людей. Но при этом этимологически он не связан со словом со значением «человек». Таким образом, в языке мы «не видим деревьев за лесом». *Народ* – это некая множественная абстракция, не связанная с конкретной единицей в лице человека, хотя формально подразумевает человека во множественном числе. В китайском языке это выглядит иначе. 人民 (rénmín) – «люди, народ», где первая часть 人 (rén) – это собственно «человек», и это самостоятельный иероглиф, а вторая часть 民 (mín) обозначает людей, народ, но только в сочетании с другими иероглифами. В китайском языке применяется форма, при которой в этом множественном числе слова «люди» используется иероглиф «человек». Таким образом, пусть формально, но здесь ситуация выглядит и воспринимается иначе. Правда,

при образовании, допустим, слова «народовластие», как оно обозначено у Сунь Ятсена, используется термин 民权主义 (mínquánzhǔyì). Это конкретно суньятсеновский принцип народовластия. Или 民权 (mínquán) – «народовластие», «демократия»: из слова «народ» первая часть, обозначающая собственно человека, удаляется, а остается вторая часть, обозначающая народ и дающая возможность переводить и понимать термин в контексте гражданско-человеческого фактора. Это приближает китайское восприятие термина «народ» к обезличенному современному европейскому, но и в этом не тождественно ему [16].

Отсутствие тождественности связано с еще одним моментом. Действительно, все современные словари переводят 民 (mín) как «человек», но этимология иероглифа выглядит несколько иначе. Иероглиф 民 записывался

в цзягувэнь¹ знаком . Знак означает «глаз»; знак является изме-

нённым знаком и означает «ладонь правой руки». Этимология иероглифа – «держу в руке острый инструмент, выкалывать глаза военнопленному, чтобы он был не в силах убежать и стал послушным рабом» (С гуманностью у этих ребят, видимо, было «не очень») [18]. В «Гуанъя»² значение иероглифа 民 дается как синонимичное иероглифу 氓 – «бродяга, босяк» (но это – более позднее значение) [17].

Словарь древнекитайского языка дает этимологическое значение иероглифа 民 – «раб»; и только более поздние варианты имеют значения «бродяга, простолюдины и т. д.» [19]. Сложно предположить, что китайские реформаторы XIX в., представители китайской интеллигенции, были не знакомы с этимологией основных иероглифов. Поэтому можно смело утверждать, что использование иероглифа 民 (mín) не случайно. Это обозначение бесправных, неимущих, не обремененных ни собственностью, ни знаниями представителей китайского общества, которые и являются в данном случае народом.

При этом можно отметить, что термин «демократия» (народовластие) в китайском языке тоже имеет неоднозначную историю возникновения, несколько обозначений и вариантов написания, которые обладают рядом отличительных особенностей и активно использовались, а иногда и противостояли друг другу уже с середины XIX в. В качестве традиционной основы восприятия демократии в Китае использовался принцип

¹ 甲骨文, письменна на черепашьих панцирях и костях – иероглифические надписи на гадательных костях, фиксирующие результаты гаданий. Считаются древнейшими китайскими текстами и образцами китайской письменности, относятся к XIV–XI вв. до н. э., т. е. ко второй половине эпохи Шан [https://ru.wikipedia.org/wiki/Цзягувэнь].

² Первая дошедшая до нас китайская энциклопедия царства Вэй 魏 эпохи Троецарствия 三国, по образцу словаря «Эръя» 尔雅, 18 150 записей.

民本 (mín běn), что дословно можно перевести как «народ в качестве основы».

С точки зрения Лян Цичао [15], уделившего пристальное внимание проблеме политической лексики, данная концепция сложилась еще в доцинскую эпоху. Всё это позволило целому ряду китайских реформаторов сделать вывод о демократической традиции в Древнем Китае. «Но отличия от современного понимания демократии очевидны. Идея о том, что управлять нужно в интересах народа, – это еще не демократия. Что касается представления о том, что монарху необходима санкция народа на власть, то, чтобы она стала демократической, его необходимо дополнить разработкой механизмов выявления этой санкции, а также ее отозвания» [8].

Параллельно с этим развивается еще несколько концепций. Во второй половине XIX в. сторонники политических реформ в Китае, хорошо знакомые с европейским политическим устройством (многие из них по несколько лет жили и работали за границей), понимали, что кроме господствовавшей в Китае абсолютной монархии (jūnzǔ) **君主** («правление монарха», «монарх» или «монархия») существуют и другие политические режимы – прямое противопоставление монархия/демократия или, скорее, республика (mínzhǔ) **民主** («правление народа») и конституционная монархия (jūn mín gòng zhǔ) **君民共主** («совместное правление монарха и народа»).

Mínzhǔ – это «демократия» не в собственном смысле, а так как она рассматривалась в качестве явной, открытой антитезы монархии, то теоретически этот термин можно рассматривать, по сути, как антимонархию, т. е. абсолютную власть бедного и необразованного народа (до этого полностью лишённого власти) при отсутствии монарха. Такая трактовка возможна из анализа формы составления данного термина, где вместо слова со значением «монарх» стоит «народ». Хотя если коснуться сути понятия, то это скорее не механизм реализации интересов (прав) народа, но сама власть народа, свергнувшего монарха, когда народ выступает вместо монарха и как монарх.

Практически одновременно с этим во второй половине XIX в. появляется термин **民权** (mínquán) («власть, права, полномочия народа»). В отличие от mínzhǔ, mínquán – термин очевидно японского происхождения. Такое сочетание иероглифов в классических китайских текстах не встречается, хотя сами иероглифы **民** (mín) («народ») и **权** (quán) («власть, права»), естественно, существовали. По мнению большинства исследователей, термин mínquán (по-японски *минкен*) был составлен в Японии, где после реформ Мэйдзи возникло движение «за свободу и власть народа», и затем заимствован китайскими реформаторами. По классификации Чэн Шэнбао его можно отнести к другой группе (по сравнению с mínzhǔ) ки-

тайских заимствований из японского языка – к терминам, «заново созданным в Японии путем комбинации китайских иероглифов». Тем более что когда Япония в последней трети XIX века откровенно вступила на путь вестернизации, в Китае это весьма радостно приветствовали, так как воспринимали Японию в качестве своеобразного дальневосточного желудка, призванного переварить грубую европейскую пищу и приспособить ее под тонкое восприятие конфуцианско-даосской души.

Таким образом, придя в Китай, термин *mínquán* изменил свое значение по сравнению с японским. Если в Японии он означал собственно демократию, т. е. власть народа в современном тому времени европейском восприятии, то в Китае его значение стало мягким дополнением или уточнением термина *mínzhǐ*. Значение же термина *mínquán* было довольно долго неопределенным, его можно было интерпретировать и как «полная власть народа», и как «частичная власть народа». В первой интерпретации он служил синонимом *mínzhǐ*. Во второй интерпретации мог быть понят как предоставление частичных прав народу без свержения власти монарха. Таким образом, он имел и антимонархический аспект, и аспект сосуществования с монархической властью. Его антимонархическое острие было не столь устрашающим и предусматривало возможность сосуществования с монархией. Такая гибкость семантической интерпретации была очень удобна для реформаторов. *Mínquán* стал наиболее идеальным лозунгом, отражавшим и противоречия с монархической властью, и возможность сосуществования с ней, и подчеркивавшим необходимость обладать политическими правами, не свергая монархической системы [8]. А как известно, чем аморфнее лозунг, тем больше число адептов.

И в результате в начале XX века происходит и первая серьезная попытка реализации накопленного нового (в результате европейского влияния) политического опыта в китайской политической практике. Попытка реализации связана с деятельностью Великого китайского революционера Сунь Ятсена. Хотя, конечно, «реализация идеи демократии» звучит немного предвзято, так как прежде всего доктор Сунь (Сунь Вэнь, Сунь Ятсен) создает теоретическую модель, на базе которой эта реализация и будет проводиться. Как многократно отмечалось и в советской, и в российской научной литературе, истоки китайской демократии (народовластия) обоснованы в «трех народных принципах». (Хотя сам Сунь Ятсен весьма неоднозначно относился к возможности первоочередности теории по отношению к практике).

Народовластие – это второй (из трех народных) принцип Сунь Ятсена. Прежде чем приступить к пояснению данного понятия, его автор обращается к исходным пунктам. Для Сунь Ятсена – это не две, а три категории: «народ», «власть», «политика».

Народ для Великого китайского революционера – «всякая объединенная или организованная группа людей».

«Власть – это сила, могущество. Когда эта сила тождественна государству, она называется властью. <...> понятия власть и сила тождественны».

«Популярно объясним смысл двух иероглифов 政策 “чжэнчжи”, обозначающих “политика”: “чжэн” – суть дела множества людей, а “чжи” – “управлять”, следовательно, управление делами множества людей является политической властью. Ныне, если народ сам управляет политическими делами, это и есть народовластие» [11, с. 450].

Конечно, с позиции современной политической науки такое восприятие кажется весьма упрощенным, но не будем забывать, что эта позиция была окончательно сформулирована в 1924 году в цикле лекций, посвященных раскрытию основных идей китайского революционера для широких масс (как отмечает сам автор, он пытался объяснить термины популярно).

Для нас представляет интерес, что Сунь Ятсен проводит аналогии с европейской политической традицией, при этом рассматривая сходства и расхождения через восприятие иероглифической традиции. Таким образом, специфика китайского восприятия представлена изначально. Она не столько противопоставляется, сколько выступает самостоятельной категорией, т. е. действует в рамках китайской специфики. Эта особенность усиливается при рассмотрении функции народовластия. Основная функция данного феномена – это борьба с монархией. Именно монархии противопоставляется народовластие. С точки зрения Сунь Ятсена, это борьба добра и зла, борьба справедливости с насилием [Там же, с. 456].

Следующее отличие европейского восприятия демократии от китайского народовластия обусловлено тем, что иностранные ученые термин «демократия» всегда соединяют со словом «свобода». «Борьба за свободу приводит к развитию демократии... при этом народные массы Европы и США не приняли близко к сердцу слово “демократия”, они рассматривали его как политический термин, а не как свободу» [Там же, с. 467–469]. Китайский народ не понимает слово «свобода» (он не страдал от ее отсутствия), а горячо откликается на призыв разбогатеть. Поэтому для Сунь Ятсена политический лозунг, содержащий призыв к свободе, – это только сотрясение воздуха, обреченное на непонимание. То, что европейцы вкладывают в термин «свобода», для китайца это «благополучие». Борьба за свободу – это борьба с бедностью. Поэтому свобода в Китае не связана с народовластием, демократией, как впрочем, и в Европе, с точки зрения Сунь Ятсена. «По моему представлению, наш национализм тождественен их свободе, ибо реализация идеи национализма означает добиться свободы для государства. <...> Свободу ни в коем случае нельзя распространять на

индивидуума, свободу следует применять к государству... А для этого необходимо, чтобы мы все принесли в жертву свою свободу» [Там же, с. 478].

Такое положение дел связано с восприятием свободы в Китае. Слово «свобода» – 自由 zìyóu. Иероглиф 自 zì записывался в цзягувэнь знаком , означает «нос» [18, 19].

Соответственно, от этого значения «нос» образовалось местоимение «сам», «свой».

Иероглиф 由 yóu записывался в цзягувэнь знаками , , . Знак означает «капля жидкости»; знак либо – «сосуд». Этимология иероглифа – «через дырочку в посуде вливать масло внутрь». При этом даются глагольные значения: «проходить через», «проходить по... (через...)». Итак, получаем, что 由 и 自 имеют одно и то же значение как предлоги «от», «из» и как глагол «подчиняться» [Там же]. Таким образом, точно не известны ни этимология иероглифа 由, ни первое написание. Но помимо вышеперечисленных значений, в указанных словарях приводится синонимичный ряд: 随心 – «следовать велениям своего сердца» и 自主 – «самостоятельный, независимый». В качестве примера именно такой трактовки в отечественном научном пространстве можно привести цитату “子曰，民可使由之，不可使知之” «Учитель сказал: “Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему”» [7, гл. 8].

Исходя из вышеизложенных значений можно предположить, что дословный перевод слова 自由 – «сам себе подчиняешься», «сам проходишь по жизни». В традиционном Китае быть предоставленным самому себе – это быть никому не нужным. Тем самым человек (единица) не служит общему делу, он скорее изгой. Таким образом, свобода для личности – это бессмысленность.

«Равенство [из лозунга «Свобода, равенство, братство» Великой французской революции – прим. авторов] тождественно нашему народовластию, потому что народовластие – это равенство народа в политическом отношении, потому что народовластие направлено против монархической власти, чтобы сделать равными всех людей» [11, с. 479].

В итоге мы получаем, что народовластие у Сунь Ятсена – это возможность управления делами всякой объединенной или организованной группой людей, основанная на силе и могуществе для достижения свободы государства, при принесении в жертву свободы индивидуума, но на равенстве народа в политическом отношении. Можно ли считать это пониманием «демократии» с китайской спецификой? Исходя из того, что на данной теории основываются взгляды последователей Сунь Ятсена, можно предположить, что да. И, безусловно, необходимо отметить, что Сунь Ят-

сен стал использовать термин 民权 (mínquán) уже с четким и однозначным пониманием его значения для Китая.

Конечно, данное определение искусственно составлено из тезисов и в каждом конкретном случае его использования могло обладать дополнительными признаками, но в целом можно допустить его в качестве основополагающего для политической жизни Китая первой половины XX века.

Своеобразен и удивителен еще один момент: в своих работах Сунь Ятсен, рассматривая западную демократию, использует термин 民主 (mínzhǔ – «правление народа»), а при рассмотрении демократии применительно к Китаю пользуется термином 民权 (mínquán – «власть, права, полномочия народа»). С одной стороны, тем самым он подводит собственную черту под дискуссией о демократии (в значении термина и понятия) второй половины XIX в., с другой – демонстрирует отличие китайской демократии от любой внешней, провозглашает собственный путь развития политической системы. В китайской мысли второй половины XIX в. это было сформулировано следующим образом: «...восточное учение – основное; западное учение – прикладное». Впоследствии именно эта проблема (соотношение «восточного» и «западного» учений) стала одной из доминант китайской мысли не только в XIX в., но и в последующие годы.

В скором времени после смерти Великого китайского революционера тогда еще только будущий Великий китайский кормчий Мао Цзэдун выдвигает концепцию «новой китайской демократии», которая дополняет саньминь (три народных принципа) марксистскими положениями, установками Коминтерна и учения И.В. Сталина, в определенной мере повлиявшими на разработку стратегии и тактики КПК.

«Но то, что мы называем демократией, сейчас уже не является демократией старого типа. Это уже не старая демократия, а демократия нового типа, новая демократия... Поэтому при всех условиях китайский пролетариат, крестьянство, интеллигенция и другие слои мелкой буржуазии являются основной силой, решающей судьбы страны. Эти классы либо уже стали, либо становятся сознательными, и они неминуемо образуют костяк государственной организации и организации власти в китайской демократической республике, причем руководящей силой будет пролетариат. Китайская демократическая республика, которую сейчас предстоит построить, может быть только демократической республикой диктатуры союза всех антиимпериалистических и антифеодалных сил, руководимых пролетариатом. Это будет республика новой демократии, республика подлинно революционных, новых трех народных принципов, включающих в себя три основные политические установки Сунь Ят-сена» [9].

Во-первых, суньятсеновское ранее абстрактное понятие «народ» получает более четкую и, безусловно, классовую структуру. Во-вторых, демо-

кратия, демократическая республика рассматривается как организация власти «диктатуры союза всех антиимпериалистических и антифеодальных сил». Демократия, таким образом, не противоречит диктатуре, а диктатура не противоречит демократии. И здесь мы можем вернуться к дискуссии о значении (mínzhǔ) 民主 («правление народа») и 民权 (mínquán) («власть, права, полномочия народа»), которая была характерна для конца XIX – начала XX в. и в которой вроде бы Сунь Ятсен поставил точку. В общем, это можно было бы воспринимать как проявление политического синкретизма, полностью соответствующего традиционному китайскому порядку. Но Мао Цзэдун рассматривал все республиканские режимы как разные формы диктатуры. «Итак, если мы классифицируем многообразные формы государственного строя, существующие в мире, по классовому характеру власти, то они в основном сведутся к трем следующим типам: 1) республики буржуазной диктатуры; 2) республики пролетарской диктатуры; 3) республики диктатуры союза нескольких революционных классов» [9]. И в-третьих, принципиальное отличие «новой демократии от старой». Сунь Ятсен отмечал необходимость избежать обязательной доминанты большинства над меньшинством, не описывая, правда, как конкретно это можно реализовать. У Мао Цзэдуна напрямую отмечается «государственный строй – диктатура союза всех революционных классов, форма организации власти – демократический централизм».

Теория «новой демократии» была выдвинута Мао Цзэдуном в качестве, по сути, нового этапа развития марксизма, в ней содержатся такие важнейшие положения марксистской теории, как классовый анализ и учение о классовой борьбе, о руководящей революционной партии и ее постоянных и временных союзниках, о буржуазно-демократическом и социалистическом этапах революции. Выдвижение теории «новой демократии» как нового этапа развития марксизма обосновывалось необходимостью его «китаизации», которая была проведена на 6-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва в 1938 г. с целью обоснования особого пути китайской революции, исходя из специфики Китая как огромной крестьянской полукOLONиальной и полуфеодальной страны с собственной уникальной культурной и политической традицией, а не из теоретических установок марксизма-ленинизма в коминтерновской трактовке того периода (еще в 1930 г. Мао выступил с призывом «бороться с книгопоклонством», потребовав прагматически относиться к марксистской теории и опираться прежде всего на практику китайской революции).

По существу, речь шла не просто о «китаизации» марксизма в смысле адаптации общей теории марксизма к конкретным условиям Китая, а о создании «китаизированного марксизма», разработанного в качестве теоретического руководства антиимпериалистической, антифеодальной револю-

цией в колониальных и зависимых странах. Исходя из наличия общих для этой категории стран объективных закономерностей общественного развития, Мао Цзэдун считал обязательным создание в них «третьей формы» государства – государства «новой демократии», т. е. «демократии китайского типа... присущей определенному историческому периоду и, следовательно, переходной, однако необходимой и обязательной» [9].

Чан Кайши, не без основания считавший себя продолжателем дела Сунь Ятсена, отчасти противопоставил свое идеологическое кредо демократизму (народовластью) основателя Гоминьдана, отрицая возможность осуществления демократических принципов в Китае практически до 50-х годов XX в. И вслед за Сунь Ятсеном обращал особое внимание на роль государства, противопоставляя интересы личности и государства в свободе [13, 14].

Таким образом, идеи, заложенные Сунь Ятсеном, продолжают оказывать значительное влияние на развитие политической теории и практики Китая и в последующее время. Конечно, не всегда они воспринимаются одобрительно, но даже при отторжении суньятсеновского понимания, при критике идей Великого китайского революционера его идеологическая концепция являлась основой, от которой отталкивались последующие революционеры Китая.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократии в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 499 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 270 с.
3. Клеини И.Д. Заимствования в современном китайском языке (на материале военной лексики) // Лексические заимствования в странах зарубежного Востока. – М., 1991. – С. 91–104.
4. Куратченко М.А. Роль цивилизационной идентичности в формировании идентификационной парадигмы образовательного процесса в современном обществе (на примере обучения иностранных студентов из КНР) // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 1 (33). – С. 108–111.
5. Олейников И.В. Значение национализма в Китайской республике: первая половина XX в. // Восток–Запад: проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты : [в 2 ч.] : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Новосибирск, 27–28 мая 2013 г.) / под ред. К.Б. Умбрашко. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – Ч. 1. – С. 71–81.
6. Олейников И.В. Китаецентристские теории геополитики и проблема мирового лидерства КНР во второй половине XX века // Государства Дальнего Востока: история политика, культура. – Новосибирск, 2012. – Вып. 4. – С. 5–18.

7. Переломов А.С. Конфуций «Лунь юй» / исслед., пер. с кит., коммент. А.С. Переломова; факс. текст «Лунь юй» с коммент. Чжу Си. – М.: Восточная литература, 1998. – Гл. 8. – С. 354–361.
8. Лукин А.В. Приход понятия «демократия» в Китай и его первые интерпретации // Общество и государство в Китае. – 2009. – Т. 39, ч. 1. – С. 274–295.
9. Мао Цзэ-дун. О новой демократии (январь 1940 г.) // Мао Цзэ-дун. Избранные произведения: в 4 т. – М. 1953. – Т. 3. – С. 199–276.
10. Смирнов Д.А. К вопросу об идейных истоках теории «новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае. – 2012. – Т. 42, № 6-1. – С. 380–386.
11. Сунь Ятсен. Три народных принципа // Сунь Ятсен. Избранные произведения. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1985. – С. 450.
12. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра-М, 2009. – 570 с.
13. Чан Кайши. Советская Россия в Китае : воспоминания и размышления в 70 лет / Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Посев, 2009. – 440 с.
14. Chiang Kai-shek. China's destiny and Chinese economic theory: monograph. – New York: Roy Publisher's, 1947. – 347 p.
15. Аян Цицзао. История политической мысли в доциньский период. – Пекин, 1996. – Яз. кит.
16. Сунь Ятсен. Три народных принципа и будущее китайской нации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wzjl.cn/content/2011-09/09/content_71007.htm (дата обращения: 24.05.2018). – Яз. кит.
17. Этимологический словарь иероглифов «Ханьдянь» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zdic.net/z/1c/xs/6C11.htm> (дата обращения: 24.05.2018). – Яз. кит.
18. Этимологический словарь иероглифов «Сянсин цзыдянь» («Вивидикт») [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=1146> (дата обращения: 24.05.2018). – Яз. кит.
19. Словарь древнекитайского языка «Гудай ханьюй цзыдянь» / под ред. Чен Мэнцзюня. – Пекин: Коммерческое издательство, 2005. – 1125 с. – Яз. кит.
20. Словарь заимствований китайского языка. – Шанхай: Шанхайский словарь, 1984. – 423 с. – Яз. кит.
21. Этимологический словарь неологизмов китайского языка. – Шанхай: Китайский словарь, 2001. – 426 с. – Яз. кит.
22. Apter D.E. The politics of modernization. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1965. – 481 p.
23. Eisenstadt S. Cultural programs, the construction of collective identities and the continual reconstruction of primordiality. – Boston: Brill Academic Publ., 2003. – P. 79–80.
24. Eisenstadt S.N. Patterns of modernity. Vol. 2. Beyond the West. – New York: New York University Press, 1987. – P. 4.

25. *Eisenstadt S.N.* Multiple modernities in the age of globalization. – Juresalem: Herber University, 1998. – 25 p.
26. *Faure D.* China and capitalism. a history of business enterprise in modern China. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2006. – P. 38–40.
27. *Lerner D.* The passing of the traditional society: modernizing the Middle East. – New York; London: The Free Press, 1965. – 468 p.
28. *Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy. – Boston: Beacon Press, 1966. – 516 p.
29. *Pye L.* Politics, personality and national building: Burma's search for identity. – New Haven: Yale University, 1962. – P. 151.
30. *Black C.* The dynamics of modernization: a study in comparative history. – New York: Harper Colophon Books, 1975. – 367 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2018 г.

Статья прошла рецензирование 24.02.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-41-58

THE TERM AND THE CONCEPT OF “DEMOCRACY” IN THE POLITICAL LIFE OF CHINA IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Oleynikov Igor,

Cand. of Sc. (History),

*Associate Professor of Department of International Relations
and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University,
20, Marx ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation;*

*Associate Professor of the Department of Russian
and World History, Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuiskaya st., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-5920-1371

oleynikov_i@mail.ru

Kormich Pavel,

*Senior Lecturer of Department of International Relations
and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University,
20, Marx ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation.*

ORCID: 0000-0002-1796-3108

laofojiaotu@mail.ru

Abstract

The paper examines the perception and designation of political terms in China in the first third of the twentieth century. It mainly focuses on the interpretation of the terms “democracy” (power of people), “freedom”, and “nation” in the understanding of the Great Chinese revolutionary Sun Yat-sen.

Almost in all languages, the term “nation” means a certain union of people (sometimes the word has a specific meaning, as in the case of demos, sometimes an abstract one, as in the Russian language). However, at the same time, etymologically it is not associated with the word “man”. “Nation” is a certain, rather multiple abstraction, not associated with a specific unit “a person” although formally implies a person in the plural. In Chinese, it looks different. Therefore, the etymological context of political terminology in Chinese reality is very important.

The term “democracy” (power of people) in Chinese has also an ambiguous origin; there were several designations and variants of writing, which had a number of distinctive features, all of them were in active use from the middle of the XIX century, and sometimes even the meanings of those variants opposed each other. As a result, Sun Yat-sen suggested his understanding of democracy as an opportunity to manage any united or organized group of people, basing on strength and power, to achieve the state’s freedom, with the obligatory sacrifice of individual freedom, but with the political equality for the nation.

Mao Zedong proposed the theory of a “new democracy” which was a new stage in the development of Marxism, containing the most important provisions of Marxist theory. The new interpretation of the Marxist theory as a new stage in the development of Marxism was substantiated by the need of its “Sinification”.

But in essence, it was not just about “Sinification” of Marxism (adaptation of Marx’s general theory to the concrete conditions of China), but about the creation of “Chinese Marxism”, developed as the theoretical tool of leadership in anti-imperialist, anti-feudal revolutions in colonial and dependent countries.

Chiang Kai-shek, not without reason, considered himself the follower of Sun Yat-sen’s cause, however, he partly opposed the ideological democracy credo (power of people) of the founder of the Kuomintang, he also denied the possibility of implementing democratic principles in China until the 1950s. Following Sun Yat-sen, Chiang Kai-shek paid particular attention to the role of the state, opposing the interests of an individual and the state.

Thus, the ideas put forward by Sun Yat-sen continue having a significant impact on the development of China’s political theory and practice in the subsequent period of time. Of course, Sun Yat-sen’s ideas are not always taken with approval, but even when his ideas are criticized, nevertheless, the ideological concept of his theory remains the basis for the subsequent revolutionaries of China.

Keywords: democracy, nation, human, freedom, politics, term, concept, China, republic.

Bibliographic description for citation:

Oleynikov I., Kormich P. The term and the concept of “democracy” in the political life of China in the first third of the XX century. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 2, pp. 41–58. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-41-58.

References

1. Almond G.A., Verba S. *Civic culture : political attitudes and democracy in five nations*. Newbury Park, CA, Sage Publications, 1989 (Russ. ed.: Almond G., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratii v pyati stranakh*. Moscow, Mysl' Publ., 2014. 499 p.).
2. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form*. T. 1. *Yazyk* [Philosophy of symbolic forms. Vol. 1. Language]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. 270 p. (In Russian).
3. Klenin I.D. Zaimstvovaniya v sovremennom kitaiskom yazyke (na materiale voennoi leksiki) [Borrowings in modern Chinese language (on the basis of military vocabulary)]. *Leksicheskie zaimstvovaniya v stranakh zarubezhnogo Vostoka* [Lexical borrowings in the countries of the foreign East]. Moscow, 1991, pp. 91–104.
4. Kuratchenko M.A. Rol' tsivilizatsionnoi identichnosti v formirovanii identifikatsionnoi paradigmy obrazovatel'nogo protsessa v sovremennom obshchestve (na primere obucheniya inostrannykh studentov iz KNR) [The role of civilizational identity in the formation of the identification paradigm of the educational process in modern society (on the example of teaching foreign students from China)]. *Vestnik Al-*

taiskoi akademii ekonomiki i prava – Journal of Altai Academy of Economics and Law, 2014, no. 1 (33), pp. 108–111.

5. Oleinikov I.V. [The importance of nationalism in the Republic of China: the first half of the 20th century]. *Vostok–Zapad: problemy vzaimodeistviya. Istoricheskii, politicheskii, sotsial’nyi i religioznyy aspekty* [East–West: problems of interaction. Historical, political, social and religious aspects], Novosibirsk, May 27–28, 2013, pt. 1, pp. 71–81. (In Russian).

6. Oleinikov I.V. Kitaetsentristskie teorii geopolitiki i problema mirovogo liderstva KNR vo vtoroi polovine XX veka [China centrist theory of geopolitics and the problem of world leadership of China in the second half of the twentieth century]. *Gosudarstva Dal’nego Vostoka: istoriya politika, kul’tura* [The states of the Far East: history of politics, culture]. Novosibirsk, 2012, iss. 4, pp. 5–18.

7. Perelomov L.C. *Konfutsii “Lun’ yui”* [Confucius “Lun Yu”]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1998, ch. 8, pp. 354–362.

8. Lukin A.V. Prikhod ponyatiya “demokratiya” v Kitai i ego pervye interpretatsii [The arrival of the concept of “democracy” in China and its first interpretations]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and the State in China*, 2009, vol. 396, pt. 1, pp. 274–295.

9. Mao Tsze-dun. O novoi demokratii (yanvar’ 1940 g.) [On the new democracy (January 1940)]. Mao Tsze-dun. *Izbrannye proizvedeniya*. V 4 t. T. 3 [Selected Works. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, 1953, pp. 199–276. (In Russian).

10. Smirnov D.A. K voprosu ob ideinykh istokakh teorii “novoi demokratii” Mao Tszeduna [To the question of the ideological origins of the theory of “new democracy” Mao Zedong]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and the State in China*, 2012, vol. 42, no. 6-1, pp. 380–386.

11. Sun’ Yatsen. Tri narodnykh printsipa [Three people’s principles]. Sun’ Yatsen. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1985, p. 450.

12. *Filosofskii entsiklopedicheski slovar’* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2009. 570 p.

13. Chiang Kai-shek. *Sovetskaya Rossiya v Kitae : vospominaniya i razmyshleniya v 70 let* [Soviet Russia in China: memories and reflections in 70 years.]. 2nd ed. Moscow, Posev Publ., 2009. 440 p. (In Russian).

14. Chiang Kai-shek. *China’s destiny and Chinese economic theory*. New York, Roy Publisher’s, 1947. 347 p.

15. Liang Qichao. *History of political thought in the period before the Qin*. Beijing, 1996. (In Chinese).

16. Sun’ Yatsen. *Three national principles and future of the Chinese nation*. (In Chinese). Available at: http://www.wzjl.cn/content/2011-09/09/content_71007.htm (accessed 24.05.2018).

17. *Etymological dictionary of hieroglyphs “Handian”*. (In Chinese). Available at: <http://www.zdic.net/z/1c/xs/6C11.htm> (accessed 24.05.2018).

18. *Etymological dictionary of hieroglyphs “Xiangxing tszydyan” (“Vividikt”)*. (In Chinese). Available at: <http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=1146> (accessed 24.05.2018).

19. *The dictionary of Ancient Chinese language "Guday hanyyuy tszydyan"*. Ed. by Chen Mentszyun. Pekin, Commercial publishing house, 2005. 1125 p. (In Chinese).
20. *Dictionary of borrowing Chinese language*. Shanghai, Shanghai Dictionary Press, 1984. 423 p. (In Chinese).
21. *Etymological Dictionary of Chinese Neologisms*. Shanghai, Chinese Dictionary Press, 2001. 426 p. (In Chinese).
22. Apter D.E. *The politics of modernization*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1965. 481 p.
23. Eisenstadt S. Cultural programs, the construction of collective identities and the continual reconstruction of primordiality. Boston, Brill Academic Publ., 2003, pp. 79–80.
24. Eisenstadt S.N. *Patterns of Modernity*. Vol. 2. *Beyond the West*. New York, New York University Press, 1987, p. 4.
25. Eisenstadt S.N. *Multiple modernities in the age of globalization*. Juresalem, Herber University, 1998. 25 p.
26. Faure D. *China and capitalism. a history of business enterprise in modern China*. Hong Kong, Hong Kong University Press, 2006, pp. 38–40.
27. Lerner D. *The passing of the traditional society: modernizing the Middle East*. New York, London, The Free Press, 1965. 468 p.
28. Moore B. *Social origins of dictatorship and democracy*. Boston, Beacon Press, 1966. 516 p.
29. Pye L. *Politics, personality and national building: Burma's search for identity*. New Haven, Yale University, 1962, p. 151.
30. Black C. *The dynamics of modernization: a study in comparative history*. New York, Harper Colophon Books, 1975. 367 p.

The article was received on 18.01.2018.

The article was reviewed on 24.02.2018.